

Перемёт Васильевич (Смерть Чурилы)

Не заюшко во чистом поле выскакивал,
Не горностаюшко выплясывал,
Выезжал там доброй молодец,
Доброй молодец, Чурило Плёнкович;
Подъезжает он к полате белокаменной,
Ко тому ко старому Перемету он Васильеву,
Привязывал коня да к тому видь он ко столбику,
Ко столбику точёному,
Ко столбику да видь золочёному,
Стает он на крыльцё да на пилёноё,
Берет он за колечко за серебряно,
За ту свайку да золочёную.
Стал он во дверюшки пошшалкивать;
Выходит девушка поваренна,
Поваренна девушка челеденна,
Испроговорит да таково слово:
«Ай же Чурилушко Плёнкович,
Нет-то видь у нас дома хозяина-то самого,
Некому видь у нас гостей-то подчивать.
Выходит его да молода жона,
Молода жона да Катерина Микулична,
Била тут девку по правой шшеки:
«Знала бы девушка в печи варить,
Не знала бы девка гостей отказывать».
Отворила свои да врата да видь широки,
Брала видь Чурилу да за белы руки,
За белы руки да за златы персни,
Вела его за ручки за белыи,
Во свою полату белокаменну;
Садилась оны во шашецки поигрывать;
Раз он играл, ю пообыграл,
Другой играл, он пообыграл,
Молодецько сердцецько мало стерпливало,
Брал ю за руценьки за белыи,
За ей персни за злачэныи,

Ложились оны на ту кроватку на тисовую.
Приходит девушка поваренна,
Поваренна девушка челеденна,
Испроговорит девка таково слово:
«Пойду скажу старому Перемету видь Васильеву».
Испроговорит Чурило таково слово:
«Ай же ты, девушка поваренна,
Поваренна девушка челеденна;
Не ходи теперь ко старому Перемету Васильеву,
Бери-тко ты с меня пятьдесят рублей,
Бери-тко ты с меня да видь косяк камки,
Косяк камки да видь заморские.
Не берет девка не злата видь не серебра;
Пошла видь девка во Божью церковь,
Заходит девка со правой руки,
Испроговорит девка таково слово:
«Ай же ты старой Перемет Васильевич,
Теперь ты Богу молисье,
Не ведаешь ты над собой да ты невзгодушки,
Есь у тебя в доми да нелюбимой гось,
Спит со твоёй да молодой жоной,
На твоёй кроватки на тисовоёй,
На твоёй перины на пуховоёй.
Испроговорит старой Перемет да видь Васильевич таково слово:
«Ежели был говоришь, дак пожалуй,
Ежели ложь говоришь, голову срублю».
Не досуг ему тут в Божьей церкви Богу поклоняться,
Приходит он ко своей полаты белокаменной,
Выходит ево да любима семья,
Любима семья да Катерина Микулична,
Во одной в тоненькой беленькой рубашецьки;
Он выдерьгивал тут саблю свою вострую,
Хочет тут девки голову срубить.
Испроговорит девка таково слово:
«Не руби мне-ка голову напрасно есь,
Поди теперь на конюшню белодубову,
Чурильин доброй конь пшену твою зоблет белоярову».
Испроговорит Катерина таково слово:
«Ездил Чурило Плёнкович в чистом поли;

Поменялись оны конямы богатырськии
Со моим братцом родимым».
Выдергивал он опять саблю вострую,
Хочет он девки голову срубить.
Испроговорит девка опять таково слово:
«Не руби моёй буйной головы,
Поди во свою теплую во ложенку:
Спи(т) Чурило видь Плёнкович
На твоей кровати на тисовые,
На твоей перины на пуховые».
Приходит тут старой Перемет да видь Васильевич,
Увидел Чурилу видь спяшшаго,
Отрубил ему голову богатырскую;
Молодецько сердце мало стерпливало,
Отрубил тут Катеринушки Микуличной.
Тут-то тем-то дело кончилось:
Брал эту девушку в замужество
Старой Перемет да видь Васильевич.

Толвуйский погост Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Из сборника
Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша «Песни русского народа», № 3. 1886 г.